

Дмитрий Воцинин

**ИНСТРУМЕНТ
ВСЕЛЕННОЙ**

Skleněný můstek s.r.o.

Rumunská 660/8, Karlovy Vary

PSČ 360 01 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Дмитрий Воцинин 2021

© Skleněný můstek s.r.o. 2021

ISBN 978-80-7534-254-6

Содержание

**Глава первая
Встреча**

**Глава вторая
Познание себя**

**Глава третья
Жизнь – частичка бессмертия**

**Глава четвертая
Вместо послесловия**

ИНСТРУМЕНТ ВСЕЛЕННОЙ

Глава первая

Встреча

1

После рабочего дня Петр Иванович ехал домой в большом потоке метро. Глаза большинства пассажиров с отрешенными лицами были прикованы к экранам смартфонов и планшетов. От скопления возвращающихся к домашнему очагу безучастных людей уже немолодой человек также безусловно чувствовал внутреннее безразличие. Он изредка закрывал глаза, жмурился он шума дверей, движения людей вокруг, и только подъем эскалатора понемногу возвратил его к жизни. Яркий свет наполненного бутиками перехода и пестрая реклама обязательного на выходе из подземки идола прогресса – торгового центра – заставила его немного прийти в себя.

«Как же уродлива эта архитектурная находка...» – поглядел он на огромное, светящееся названиями торговых марок строение.

Пройдя несколько шагов вперед, он увидел недалеко подобное просвечивающееся почти насквозь здание супермаркета. Высоко над ним сверкали светло-оранжевые буквы: «EUROSPAR».

«Надо купить что-нибудь на ужин...» – вспомнил он о домашних заботах.

Через несколько минут очередной благодетель утоления в потребности питания был готов обнять его прозрачными раздвижными дверями. Неожиданно реагирующие и всегда готовые завлечь улыбчивыми створками, они не скрывали свою радость, ласково призывая освободить усталые глаза от забот выращивания урожая или тревожного внимания охоты.

Перед самым входом в супермаркет Петр Иванович едва не натолкнулся на худощавого ровесника с рыжеватыми волосами. На вид ему было далеко за пятьдесят. Невысокого роста, в бежевом костюме и темной сорочке, он привлекал внимание целомудренным взглядом и тонкими чертами лица. Петру Ивановичу бросились в глаза его блестящие лакированные туфли на высоких каблуках. Незнакомец неожиданно подошел к нему:

– Купите книгу, купите мою книгу, – не очень навязчиво, но настойчиво протянул он небольшую брошюру.

Не найдя желанного отклика, продавец внимательно посмотрел и, повернув голову, продолжал обращаться с теми же словами к другим. Чуткий взгляд Петра Ивановича отметил, что к выходящим он подходил, будто извиняясь, а вот входящие пользовались его большим вниманием.

Не проникшийся к просьбе Петр Иванович с улыбкой отвернул взгляд и прошел в светлое помещение магазина, но отчего-то образ продавца книги остался в памяти. Он показался Петру Ивановичу многоликим, будто засыпанный золотыми перьями, внутри этого ореола выделялись глаза: привлекательно чистые и необычайно доверительные даже с едва уловимым светом. Он уже пожалел, что так сразу отстранился от этого человека, будто от клоуна.

Увлечшись широким выбором товара, Петр Иванович скоро забыл о своем впечатлении у входа в магазин. Призыв современного маркетинга начинал довлеть над ним, он уже едва сдерживал себя, чтобы не взять что-то не очень нужное. Почти каждодневно растущие цены и довольно скромный бюджет покупателя помогали остудить желание попробовать все. Пожилой человек ограничился необходимым набором: мясной полуфабрикат, творог, сливки, хлеб и молотый кофе. Поток людей на кассах не снижал ажиотажа приобретения, привлекая недорогим повседневным ширпотребом: батарейки, сигареты, конфеты, зажигалки. Многие покупатели, на радость торгового заведения, не ослабляли здесь внимания, испытывая особое напряжение – не забыть о мелочах.

После кассы удовлетворенный пожилой человек на автомате двинулся к настороженно реагирующим дверям, которые с удовольствием зафиксировали немалый объем покупок. Будто бы случайно на выходе он увидел спину уходящего и немного поникшего незнакомого распространителя своей литературы.

Петр Иванович пошел домой, но увиденное полчаса назад лицо необычного писателя не отпускало его. Он опять вспомнил несовременную, ухоженную, слегка курчавую бородку и усы, которые придавали образу особую привлекательность и даже некоторую таинственность.

«Где-то я его видел...» – подумал он, вспоминая короткий разрез бородки, легкий, свободный взгляд надежды в успехе своего дела.

Незнакомец был будто не из нынешнего времени, и это выделяло его среди мелькающих вокруг прагматичных людей.

Петр Иванович вспомнил свое детство и юность. Именно тогда таких людей было множество. Они не думали о выгоде и прибылях, а лишь хотели понимания в желании поделиться накопленным опытом и мыслями.

«А может, мне это показалось... тогда я был молод... полон надежд...» – мелькало в его голове.

Человек на шестом десятке хорошо помнил 90-е. Надрывное, беспокойное время вперемежку с надеждами на лучшее и разочарованиями быстрого отказа от родного и близкого доверия к прошлому. Люди с каждым днем становились жестче и злее друг к другу, чаще отворачивали глаза, видя беспорядки, эгоистично проходили мимо. Росла, как говорили тогда, качественная самооценка, но люди просто сами не понимали, что это было. Только позднее стало понятно, что это лишь не оправданное и порой завистливое завышение этой самой оценки.

«Многое оставалось за гранью восприятия... Несомненно, это была деградация, но кто о ней думал? Тогда главное было выжить и вылезти из ямы и нахлынувшей грязи обновления чужими идеями...» – вздыхал он.

На следующий день в то же самое время у супермаркета Петр Иванович вновь увидел худощавого незнакомца. Распространитель своего творчества был в добротной светло-коричневой куртке. Вчерашнее разноликое пятно доброжелательства продолжало исходить от него. Лицо и волосы были продолжением позитивного цвета одежды, а серые-голубые глаза дополняли ореол сдержанного оптимизма. Петр Иванович сам подошел к нему, протянул деньги и взял небольшую книжицу.

– Я вас именно таким и представлял, – произнес неожиданно незнакомец.

– Вы что-то знаете обо мне?

– Да нет. Я запомнил вас вчера, – продавец книги немного замялся. – Многие берут и уходят, а вы и деньги даете...

– Так как же без денег?

– Иные считают, что можно... смотрят даже пренебрежительно... И вы вчера как-то странно взглянули...

– Интересно, что вы запомнили... Мне действительно почудилось что-то знакомое в вашем облике...

– Я тоже обратил внимание на вас... и догадался, что вы пришли из акварели.

– Акварели?

– Доверчивые люди все такие...

Петра Ивановича вдруг пронзила радость искренних слов и доверительного общения. Он не знал, как продолжить разговор, и бегло пролистал книгу. Все страницы были снабжены светлыми картинками почти без текста.

– Почему же в вашей книге мало записей? Какие-то краски, необычные разводы, – Петр Иванович не решился сказать «несуразные разводы».

– Они яркие и привлекательные...

– Я это не совсем почувствовал.

Собеседник замолчал и неожиданно произнес:

– Краски открываются не каждому... Я их чувствовал, еще будучи в юности, но осознал только сейчас, когда многое осталось позади.

– Неужели? – почти смеясь, улыбнулся Петр Иванович.
– А я подумал, что это какая-то ваша тайна.

– Верно... Но я бы сказал, что это не совсем тайна. Это знают все, но выразить не могут... Вопрос только – почему?

– И почему?

– Мы часто забываем тех, кто окружал и незримо воспитывал нас в детстве, они казались тогда очень простыми и даже немного нелепыми, а теперь мы сами стали нелепыми для многих... Главное, не надо никогда молчать и покоряться иным влияниям... В этом все понимание окружающего нас мира...

– Что же вы видите в этом окружающем нас мире? – продолжал немного ерничать Петр Иванович.

Собеседник ответил не сразу:

– ... Смотря куда глядеть...

– Мне лично интересен каждый необычный взгляд, – внимательно посмотрел Петр Иванович на странного писателя.

– Один известный философ сказал: «Если долго всматриваться в бездну, то бездна начнет всматриваться в тебя...»

– Глубоко сказано... Что же это за люди, смотрящие в бездну?

– Да мы все туда смотрим, но не осознаем... Не хватает глубины восприятия, которой больше у людей, занимающихся искусством... Художники иной раз видят глубже...

Петру Ивановичу уже не хотелось идти в магазин.

– Давайте познакомимся. Петр Иванович, – протянул он руку незнакомцу.

– Очень приятно. Михаил Александрович, – опустил глаза новый знакомый.

– Вы говорите о тех, кто видит больше... Кого вы имеете в виду, Михаил Александрович? Вот в ваших работах я вижу преобладание оранжевого, красного и оттенки сиреневого цвета...

– Это небесные цвета...

– Насколько я знаю, весь цветовой спектр идет с небес, и в сумме он белый, – с улыбкой добавил Петр Иванович.

– Мне надо идти домой, – довольно резко отозвался на это Михаил Александрович.

– Я вас чем-то обидел?

– Нисколько. Просто я должен выгулять собаку...

– А где вы живете? – Петру Ивановичу очень не хотелось прерывать начатую беседу.

– Здесь рядом, – он указал на высокий дом рядом с автомобильной магистралью.

Петру Ивановичу было немного не по пути, но он решил пройтись с необычным новым знакомым.

– Я тоже живу недалеко. Пойдемте вместе...

Они пошли медленно по тротуару.

– Охотно, Петр Иванович, я рад, что мы с вами соседи...

– Сегодня мы все соседи в этом многоликом городе...

Едва заметная улыбка скользнула на лице собеседника:

– Но согласитесь, не все хотят общения... Время сегодня разобщает нас...

– Да, Михаил Александрович, мне хотелось узнать от вас, почему именно яркие, пестрые цвета и даже сиреневый вы считаете небесными.

Новый знакомый задумчиво посмотрел на листву деревьев вдали и ответил не сразу:

– Это, собственно, не мое мнение, но я с ним соглашусь и люблю смотреть на эти краски... Вы помните художника Врубеля?

– Конечно.

– Образы его уникальны и до конца не разгаданы... В них яркая интуиция автора и желание разобраться с самим собой...

– С самим собой?

– Именно, Петр Иванович, – Михаил Александрович ударил себя по щеке и неожиданно засмеялся. – Если человек смог себя понять или осознать свою истинную сущность, ему... стало бы проще найти свои уникальные образы в искусстве и настойчиво продолжать их искать...

– Я вас не понимаю...

– Вспомните «Демона»... Ничего подобного не было в живописи. Казалось бы, похоже на приемы импрессиони-

стов, но это в корне совершенно другое... непонятное большинству... Совершенно! Даже и близкого нет... Это и есть самая бездна... Тут напряженное созерцание... В таких картинах не только зрительное наслаждение, но и глубина осознания мысли, о которых человек порой и не подозревает.

– Я помню его картины... Они завораживают многих.

– Его критикуют за необычность и нереальность образов... Врубель учился живописи у Репина вместе с Валентином Серовым и был веселым и полным надежд обаятельным молодым человеком, страстно влюбленным в живопись. Учеба давалась ему легко, увлекали литература, философия, музыка. Еще с ранних лет будущий художник отличался способностью к языкам и богатой фантазией. Он часто говорил: «Будить от мелочей будничных величавыми образами...»

Они уже шли по небольшом мосту через реку, откуда просматривался местный парк. После небольшой паузы Михаил Александрович продолжил:

– Демон появился на его холсте, когда художнику было 29 лет. Он увидел его в глазах своей любимой. С этих пор он уже не мог расстаться с ним и, как зачарованный, все пристальнее всматривался в его загадочный дух... в этот таинственный и величавый лик.

Новый знакомый говорил и еле заметно подергивал глазами, будто перебегал с одной мысли на другую, но очень внятно доносил их:

– Художник внутренне познавал образ Демона постепенно, словно высвобождая себя из-под покровов поверхностных смыслов. Через пять лет он представил публике «Сидящего Демона» — новую попытку выразить невыразимое, некую определившуюся высшую силу... Романтическая, выразительно задумчивая фигура с античным торсом, обняв колени, с глубокой скорбью смотрит на цветущую яркими неземными красками поляну. Они... настоящие... небесные. Это тревожное добро, которому суждено возвыситься до святости. Оно – как синий алмаз, как драгоценность, найденная на вершинах Кавказа. Холод прекрасного величия человеческой тоски...

– Пожалуй... Я говорил именно об этой картине, – сразу вспомнил Петр Иванович.

– Это началось с иллюстраций к поэме Лермонтова – «Как в ночь звезды падучей пламень, не нужен в мире я», – восторженно продолжал Михаил Александрович. – «Летающий Демон» 1899 года, многозначительно парящий над миром в гордом сознании своего одиночества, был вторым подходом Врубеля к этой теме, которая осталась до конца не законченной... После 15 лет мучительных раздумий Врубель показал своего Демона сказочно-прекрасным, женоподобным существом с отчаянно заломленными руками, лежащим поверженным в какой-то горной пропасти, под складками роскошного плаща.

Писатель понизил голос, размышляя:

– Философский смысл этого полотна до сих пор не разгадан. Одни видят в нем обольстительное великолепие зла, другие — гибельные чары красоты, третьи — антихристианский, демонический идеал прекрасного. Эта картина круто изменила жизнь художника. Внутри Врубеля словно что-то сломалось. Его жизнерадостность, интеллигентность, духовность вдруг куда-то исчезли. Художник стал слепнуть и погружаться в безумие. Незадолго перед смертью он горько сокрушался

о том, что дьявол имеет слишком большую власть над ним, и произнес загадочные слова: «Это он все мои картины исказил».

– Это очень интересно, – отреагировал слушатель. – Я не знал... Насколько я помню, в конце жизни Врубель был психически не очень здоров...

– Да-да... Но это очень простое объяснение его духовного состояния, – задумчиво произнес Михаил Александрович.

– А какое еще может быть объяснение?

– То, что вы назвали психическим нездоровьем, мне представляется неким обманом нашего обычного мышления... Поверьте я порой чувствую, что иногда попадаю в подобный лабиринт раздумий... начертанный неведомыми духовными силами... Именно его прелесть загадочности, раздвоенности выбора дает возможность наслаждаться этой силой духа...

Глаза говорящего необычно сверкнули:

– Ощущаешь глубину... свою значимость... и себя частичкой бессмертия во вселенной.

Петру Ивановичу не хотелось его прерывать.

– В этот момент мозг будто наливается каким-то высшим сознанием... оно невнятно... кругом лишь интуиция нового восприятия... вы истинно отдыхаете всей своей душой... Не поверите, очень не хочется покидать этот иллюзорный мир, и только одно желание – наслаждаться новым состоянием, его широтой восприятия мира. Сам поневоле как будто становишься ее частью. Однако тело испытывает неприятности некоего дряхления и слабости...

Михаил Александрович резко повернулся и посмотрел в глаза собеседнику:

– Как часто мы хотим раздавить гусеницу и почти всегда восхищаемся бабочкой, ослепительной и радужной. Все дело в красках и образах, которые не есть суть, а лишь отражение...

Он опять переключился на художника:

– Многим нравятся его последние работы... «Шестикрылый Серафим», но мне ближе «Жемчужина»... Жгучие перламутровые краски... осязание жизни с неотъемлемой

нитью страсти и желания... через женские образы... Это что-то наравне с высшими проявлениями... зеркало душевных мук.

Михаил Александрович необычно поежился и отвел резко взгляд:

– Хочется быть бабочкой... Хотя чаще чувствуешь себя гусеницей, попадая в нудную повседневную суету... Мы были бы лучше, когда наш внешний облик совершенно походил бы на внутренний. И не надо было бы таскать эту противную оболочку.

– Я пока не чувствую оболочки, – улыбнулся собеседник.

– Как жалки и примитивны рачок или улитка, вынужденные таскать за собой охраняющий дом. Всякие таковые неудобства и приспособления рождают только мелочные страдания и ограничивают реальную жизнь...

Новый знакомый словно от чего-то встrepенулcя:

– Петр Иванович, а вот, если помните, на картине «Демон побежденный» что вы видите и чувствуете?

– Трудно сказать... Никогда не задумывался, но в поражении – всегда какое-то истребление и предчувствие будущей утраты... собственной личности.

– Удивительно точно... Я бы добавил – некое временное несовершенство и разочарование. А кем он повержен?

Михаил Александрович не ждал ответа, а говорил уже сам для себя:

– Повержен самой истиной превратности страсти и собственного желания обладания... Это тоже слабость... Чтобы оставаться сильным, нельзя опускаться до приземленных чувств...

– Что вы имеете в виду?

– Я уверен – нашим сознанием руководит непонятное и всесильное, но непостижимое человеку.

– И это все – в ваших ярких красках?

– Именно, Петр Иванович!.. Жизнь коротка, а краски вечны, и не известно, какими они будут после ее окончания, – как-то удивительно цельно подытожил рассказчик.

Они уже подошли к одноподъездному дому, и Михаил Александрович внимательно посмотрел на нового знакомого:

– Вы отзывчивый человек, Петр Иванович. Мне было очень приятно рассказывать вам о дорогих и близких мне мыслях.

– Мне не менее приятно и интересно. Надеюсь, мы еще не раз пообщаемся.

– А зайдите ко мне! – блеснули глаза собеседника. – Я возьму свою собаку Лолу, и мы побродим по парку.

Петр Иванович вдруг вспомнил, что он собирался зайти в магазин, но отвлекся и не зашел.

– Да нет, Михаил Александрович, – посмотрел он на свою сумку.

– Понимаю, я нарушил ваши повседневные планы, – он будто прочел мысли нового знакомого. – И все-таки зайдите, в другой раз может будет уже поздно, – взял он за руку Петра Ивановича. – А потом я, в свою очередь, провожу вас до вашего дома.

Откровенность и загадочность открытых серо-голубых глаз очень привлекали. Отказ был явно неуместен.

В лифте Петр Иванович продолжал чувствовать доброжелательный взгляд и был рад, что решился побыть гостем.

Собака уже ждала хозяина у двери. Михаил Александрович ловко накинул на нее намордник и взял поводок.

– Это Лола – мое сокровище! – непроизвольно вырвалось у него.

Спускались уже с небольшим скулением в кабине и тревожным взглядом собаки на нового знакомого. Лола была необычной гончей породы, похожей на пойнтера с крупными рыжими пятнами, и чем-то походила на своего хозяина. Михаил Александрович продолжал завороженно смотреть на свое «сокровище».

Было немного странно, что именно эта почти несовместимая с городом порода так нравилась ему. Петр Иванович весьма холодно относился к домашним питомцам, если не сказать, что считал их определенной обузой для жизни. Но Лола не вызвала у него большого отторжения. Напротив, она несказанно емко дополняла необычный образ и теперь уже немного понятный характер нового приятеля.

Когда собака свободно побежала по зеленому парку, последовал неожиданный вопрос:

– Позвольте узнать, Петр Иванович, кем вы работаете?

– Я служащий коммерческого предприятия.

Михаил Александрович немного помолчал и, глядя на высокое, шелестящее листвой дерево добавил:

– Скучно, наверно, каждый день ходить на службу и искать выгоды для предпринимателя?

– Почему же? В этом есть свое преодоление, радость поиска...

– Да-да... Но жизнь так коротка, – как бы продолжил он свою фразу об искусстве. – Я сейчас уже пенсионер и не сказанно рад, что не приходится трудиться в наше настоящее непрозрачное время... Коммерция меня никогда не интересовала... По-моему, сам по себе бизнес – не что иное, как завуалированное присвоение чужого труда.

Петр Иванович не нашел, что ответить, и, не решаясь вступать в экономическую полемику, задал свой вопрос:

– А вы в какой области трудились, Михаил Александрович?

– Я всю жизнь занимался наукой. Астрофизикой... Она чем-то похожа на поиск художника.

– Скорее, искателя звездных миров... После ваших слов мне становится понятна романтика этого поиска.

– Вы верно говорите... Но во всем нужно искать нейтральную составляющую.

– Почему нейтральную?

– В микромире существует особая физическая частица – антинейтрино. Именно она очень нейтральна, в отличие от заряженных частиц... Мне кажется, именно она является носителем информации, – убежденно и не глядя на слушателя, говорил Михаил Александрович, возможно, не раз обдуманные мысли.

– Почему антинейтрино? – удивился уже сформировавшийся оппонент.

– Дело в том, что эта частица не материальна, из некоего другого мира отрицания, антимира. Она рождает наши мысли, пронизывает и структурирует все живое. Мысли ежесекундно и ежечасно побуждают к активности, заставляют рождаться и развиваться миллионы живых существ... Иногда мне кажется, что вселенная питается разумом живых существ, и в том числе и моим...

Петр Иванович смотрел на замороженного собеседника и сам немного ударился в воображение.

«А ведь это очень увлекает... Какие у него светлые и яркие глаза...» – подумал он.

– Весь феномен жизни, Петр Иванович, обязан космическому антимиру вселенной...

«Почему я сам даже не задумывался об этом?» – пронзило слушателя.

– Каждой клетке головного мозга соответствует определенная зона вселенной, – продолжал гений воображения. – И звезды, галактики несут нам все эти импульсы...

– Пожалуй, вы правы, звезды всегда привлекали человека... и он также незримо ощущал влияние астрологии...

– Да-да, голова человека концентрирует энергию нейтрино, а тело в большей степени придерживает его энергию при вибрации Земли... Характерно, что баланс этих энергий отражается на работе нашего сердца. Чем более гармонизировано наше психологическое состояние, тем лучше работает сердечно-сосудистая система и весь организм в целом.

– Выходит, путеводная звезда здоровья – загадочный импульс вселенной?

– Да! Впервые встречаю человека, который так ясно все это понял! Скажу еще более интересное.

– Мне это очень важно.

– Отдельные нейроны головного мозга человека определяются направлением магнитных силовых линий нашей планеты. Здесь – любопытнейшая особенность нейронов мозга: они как бы перешептываются между собой.

– Перешептываются?

– Да, – твердо и уверенно продолжал вещатель. – Уже подтверждено многими авторитетными учеными, что информация способна независимо передаваться от одного мозга к другому.

– Это то, что мы называем телепатией?

– Именно так!

Наступила пауза.

– Давайте теперь я вас провожу, Петр Иванович.

– Не надо, мне тут совсем рядом, продолжайте прогулку... Собака ваша немного затосковала от наших малопонятных ей разговоров.

– Пожалуй, вы правы, – засмеялся приятель. – Мы так неожиданно встретились, хорошо поговорили... В следующий раз обязательно посидим у меня... за рюмочкой хорошего коньяка...

– Обязательно, Михаил Александрович, – пожал ему руку Петр Иванович.

– До свидания, – глаза его начали потухать.

В эту минуту Михаил Александрович казался уже пожилым и смиренным. Он глубоко вздохнул и быстро пошел прочь.

Медленно пройдя через деревянный мостик и подымаясь вверх по лестнице, ограничивающей парк, Петр Иванович оглянулся и увидел, как его новый приятель склонился над собакой и что-то ей настойчиво объяснял.

«Странный... скорее, несовременный...» – подумал он.

Придя домой, он машинально открыл приобретенную книжку и был еще более удивлен: последние ее листы были почти пусты, на каждой из них по отдельности едва заметно выделялись четыре странных существа – Ангел, Лев, Бык, Орел.

Он поворачивал страницы. На последней была одна-единственная надпись оранжевого цвета:

«Эммануил – «С нами Бог»».

В последующие дни недели Петр Иванович не встречал нового знакомого. Каждый раз, подходя к магазину, он втайне надеялся увидеть его и продолжить разговор. Однажды Михаил Александрович даже приснился ему во сне. После пробуждения Петр Иванович улыбнулся и про себя подумал:

«Видно, скоро все-таки я его встречу...»

В этот день он, как обычно, быстро собрался и поехал на работу. Размеренный распорядок увлек своим повседневным ритмом, и он забыл о сновидении, если бы не неожиданный телефонный звонок. Он произошел во время обеда, когда Петр Иванович немного расслабился.

Низкий, необычно властный и одновременно приятный женский голос спросил:

– Ну, как вам показался Михаил Александрович?

– Интересный человек... Мне было приятно познакомиться, – не удивившись вопросу, отреагировал Петр Иванович. – А кто это говорит?

– Это не важно... Просто он все время вспоминает вас и рассказывает о встрече, как о судьбоносной...

– Гм... Судьбоносной?

– Вы его совсем не знаете...

– Возможно... А с кем я, извините, говорю?

– Это его, – голос на секунду замолчал, – ... близкий человек... Извините за звонок.

На этом разговор прекратился. Только через час Петр Иванович вдруг вспомнил, что он не сообщил своему знакомому номера телефона. Позднее он также обратил внимание, что неизвестный абонент не обозначился на смартфоне.

«Довольно необычно, но присуще этому писателю...» – с улыбкой подумал он.

На работе день был напряженным, заключали новый контракт, готовили важные документы, но изредка ему вспоминались глаза Михаила Александровича. В эти минуты Петр

Иванович почему-то вспоминал свою молодость с ее радостью наслаждения энергией, ожиданием чего-то нового.

«Как прекрасно и понятно было тогда... и как сумрачно сегодня. Весенняя звонкая капель сменилась безликим безысходным туманом...» – в душе тосковал он.

Вечером Петр Иванович, возвращаясь домой, чувствовал легкую усталость. Вновь не найдя нового приятеля около супермаркета, он решился заглянуть к нему домой по известному ему адресу.

Подойдя к его дому, он вспомнил, что не знает номера квартиры, а только запомнил этаж и расположение входной двери на лестничной площадке. Поскольку дом представлял одноподъездную башню с четырьмя квартирами на этаже, он ориентировочно вычислил искомую цифру. Услышав по домофону незнакомый женский голос, он подумал, что ошибся, но назвал свое имя. Однако подъездная дверь неожиданно открылась.

Петр Иванович поднялся на седьмой этаж.

Дверь отворила женщина средних лет с русыми волосами и открытым взглядом. Ее тонкие и нежные черты лица не скрывали сохранившуюся красоту. Легкое зеленое платье и золотая цепочка на шее с изумрудным крестиком подчеркивали утонченный вкус.

На Петра Ивановича ласково смотрели добрые приветливые глаза. Они поразили отвыкшего от женского внимания мужчину, и вошедший сразу оказался в плену легкого душевного одобрения выбора своего приятеля. Это была не зависть, а скорее ощущение внутреннего восторга от того, что он обрел хороших знакомых.

С тех пор, как его покинула супруга, он остался верен ей, тайне продолжая надеяться, что что-то подобное или новое обязательно повторится в его жизни. Он не сторонился конкретных заявок на дружеские отношения с противоположным полом и, порой, случайных связей, но эти неожиданные контакты всегда неприятно настораживали и даже раздражали.

– Здравствуйте, Петр Иванович, очень хорошо, что вы зашли... Меня зовут Надежда Матвеевна... или просто – Надя.

Вошедший был обрадован этими словами и охотно снял верхнюю одежду.

В прихожей доброжелательно виляла хвостом Лола.

– Очень приятно, – искренне ответил он. – А откуда вы знаете мое имя?

– Как же... Муж столько говорил мне о вас... и описал вас прямо в точности, – продолжала ласково хозяйка.

Петр Иванович неожиданно вспомнил совершенно непохожий голос, услышанный по телефону, который был также приятным, но совсем другой, низкий и очень уверенный в себе.

«Может, телефон исказил его, но отличие уж слишком разительное...» – пронзило его, и эта мысль тут же вылетела из его головы.

– Мне право, неловко, беспокоить... вот решил вновь увидеть Михаила Александровича.

– Его сейчас нет дома, проходите в гостиную... вот тапочки, не стесняйтесь... Я сейчас вам все подробно расскажу и покажу...

Петр Иванович прошел в большую проходную комнату с двумя широкими окнами. На стенах свободного от мебели, кроме круглого стола с резными стульями, помещения висело множество картин в скромных подрамниках и без них. Почти каждая картина излучала необычные радужные тона, от которых Петр Иванович почувствовал свежий воздух солнечного дня. Он вдруг ощутил себя не в замкнутой стенами квартире, а в тиши красочной природы.

В углу комнаты стоял пустой мольберт, около него – куски голубой глины, несколько небольших ярко раскрашенных скульптур, большой прошитый блокнот для зарисовок и прочее не очень ему понятное. Собака тоже вошла в комнату и устроилась у двери.

Гость с интересом лицезрел полотна, внимательно разглядывая каждое.

Надежда Матвеевна обрадовано заметила его неожиданный всплеск эмоций. Она с улыбкой указала на необычный этюд ярко-желтого цвета без реальных очертаний: